

Но это не была полная потерянности — ведь ей нужно было вернуться к Деве Цзюнь и исполнить последнюю волю учителя.

Нельзя было сломаться. Учитель хотел, чтобы она была твёрдой, как меч. И Дева Цзюнь в ней нуждалась... Возможно...

Онемевшая рука дрогнула, медленно сжалась в кулак.

— Встать. Вернуться в рощу, — прошептала Ли Чжао беззвучно, едва шевеля губами.

Она упёрлась руками, поднялась с постели, надела обувь и, пошатываясь, вышла, по-прежнему сжимая в ладони Тунлун. Казалось, лишь его тепло хоть немного отгораживало сердце от ледяной пустоты.

Подойдя к двери, Ли Чжао протянула левую руку к косяку — и вдруг замерла, осознав, как должна выглядеть сейчас.

Тогда она достала из-за пазухи бумагу, кисть и чернила из травяного сока, нацарапала письмо и выбралась в окно. К счастью, на улице ещё темно.

Но у входа в постоянный двор сидел человек. Брат Сун.

Увидев его, Ли Чжао на мгновение остолбенела.

— Брат... брат Сун? — голос её был густым от слёз, и даже если бы ей удалось скрыть опухшие глаза и следы на щеках, это предательское звучание выдало бы всё.

Осознав это, она тихо вздохнула.

— Я ничего не скажу.

— Э? — Ли Чжао не поняла.

Сун Цзюэ не смотрел на неё. Устремив взгляд куда-то вдаль, он произнёс ещё одну фразу:

— Не беспокойся. Расстановка завершена.

С этими словами он опёрся на посох, поднялся, вежливо кивнул ей и скрылся за дверью.

Она не поняла его слов, но сейчас у неё не было сил вникать. Ли Чжао взглянула на небо — край горизонта уже тронула алая полоса. Медлить больше нельзя. Она воспользовалась цигуном, взметнулась ввысь и побежала по горной тропе, огибавшей посёлок.

...

Не прошло и часа, как она вошла в Рощу Изумрудного Бамбука. Стройные стебли, даже скованные морозом, стояли гордо и неприступно, будто им и впрямь неведомо одиночество.

Человеку же так не дано.

Горько усмехнувшись, Ли Чжао побрела дальше. Шаги становились всё медленнее, тяжелее, пока совсем не замерли на полпути к вершине.

Она подняла голову. Вдали, едва различимая, виднелась точка — бамбуковая хижина, где они

жили с учителем.

Раньше перед хижинкой стоял несносный чёрный конь. Каждый раз, когда учитель возвращался, тот всегда выбегал первым. Даже с цигуном ей не удавалось его обогнать — он всегда первым приветствовал учителя, а потом оборачивался и насмешливо ржал. Ли Чжао злилась и клялась, что однажды перегонит этого зазнайку.

Но конь был жуликоватым: выиграв, тут же сбегал...

Девять лет назад чёрный конь приволок раненого и бесчувственного учителя — и испустил дух. В его спине торчало несколько стрел, каждая с отравленным наконечником. К Городку Чжуе он добрался лишь на передних ногах — в копытах засели камни.

Ли Чжао не знала, как он сумел доползти. Помнила только, как рыдала над его телом, а тот мерзавец, даже умирая, громко рванул ей прямо в ухо — напоследок напугать.

Но она понимала: это был его способ сказать «хозяина тебе в руки». Тогда она не смогла ответить, но в сердце дала обещание. И всё же не сдержала...

Шмыгнув носом, Ли Чжао заставила себя двигаться дальше.

Не знала, сколько прошло времени, но, когда она достигла вершины, солнце уже стояло в зените. В голове закружилось, и в этом тумане она увидела себя маленькой.

Крохотная девочка, завидя бамбуковую рощу, аж рта закрыть не могла от восторга. Повернулась и радостно улыбнулась — Ли Чжао знала, что та улыбалась учителю. Так всегда и было.

А учитель...

Ли Чжао обернулась — и перед ней возник призрак учителя. Всё тот же невозмутимый и холодный облик, но в глазах таилась лёгкая улыбка. Хотя больше там было неизбывной, не скрываемой боли.

С тех пор, как он привёл её в рощу, учитель всегда был таким. Даже редкие улыбки казались приглушёнными внутренними рыданиями.

Перенеся взгляд на непоседливого ребёнка, Ли Чжао увидела, как та носится по двору: пробежала мимо грядок, качелей, пустой конюшни, очага под открытым небом, единственного исполинского персикового дерева, обогнула колодец, промчалась мимо могилы чёрного коня... И наконец вернулась к учителю, ухватилась за полу его одежды — и они вместе вошли в хижину.

Ли Чжао тоже переступила порог.

В хижине ничего не изменилось. Кроме ледяной пустоты — всё как было. Даже пыли почти не было. Ли Чжао знала: это жители Городка Чжуе время от времени наведывались сюда.

Призрак растворился, едва переступив порог. Осталась лишь она одна.

Даже Тунлун в руке остыл. Это место казалось ледяной пещерой, заброшенной посреди нигде. Не хотелось верить, что когда-то это был её дом — дом с учителем.

Теперь это больше не дом. Учителя не было...

Бам!

Тунлун выскользнул из пальцев и грохнулся о пол. Но Ли Чжао, кажется, не заметила. Она, *возможно*, сделала шаг, обошла бамбуковый стол и стулья и направилась в свою комнату.

Внутри всё осталось прежним. Повсюду бамбук — когда-то ей это нравилось. Но теперь...

На бамбуковой кровати всё ещё лежало стёганое одеяло. То самое, с которым она выросла. Даже повзрослев, не могла его выбросить — ведь его сшил для неё учитель.

В те дни учитель всячески избегал контактов с жителями посёлка. Всё, что можно было сделать самому, он делал сам. Даже когда они с Ли Чжао постепенно сблизились с горожанами, учитель по-прежнему не желал никого обременять.

Бесшумно вздохнув, Ли Чжао подобрала одеяло и пошла в комнату учителя.

Та была ещё аскетичнее: лишь кровать, бамбуковый сундук да картина, что когда-то висела на стене.

Ли Чжао положила одеяло на кровать учителя, рухнула на него лицом вниз — и слёзы, сдерживаемые так долго, хлынули потоком, одна за другой, уже неудержимо...

Восход и закат, восход и закат...

Неизвестно, сколько дней провела Ли Чжао в бамбуковой роще. Каждый день она либо в полусне размахивала мечом, либо лежала, свернувшись калачиком, в комнате учителя, питаясь лишь сухим пайком и водой из колодца — лишь бы не умереть.

За эти дни слёзы давно высохли. Даже если в этой роще на каждом шагу мерещился образ учителя, плакать она больше не могла. Но сердце продолжало выть.

Она наконец поняла. Поняла, почему учитель так стремился к смерти. Наверное, тот человек значил для него больше всего на свете. Поэтому, потеряв его, учитель будто лишился половины души, каждый день живя в муке.

Ли Чжао была не такой. Смерть учителя принесла боль и чувство вины, но не доходило до желания умереть. Наверное, учитель не был для неё дороже жизни. Но...

Было так больно, что не хотелось ничего делать. Только спать — во сне она могла видеть учителя. Она знала, что должна быстрее собраться, не погружаться в это горе.

Но после смерти учителя она терпела слишком долго. Пыталась обмануть себя — то детским озарением, то твердила себе, что уже отпустила и надо двигаться вперёд... Но в конце концов это был самообман.

Как можно просто отпустить? Того, кто вырастил её. Того, кто отдал ей всю свою душу. Самого близкого человека...

Сжав кулаки, Ли Чжао почувствовала, как в груди вспыхнул огонь. Она злилась на свою глупость — на сделку с еретиками в Фэнлине, из-за которой рухнул план учителя. Злилась на свою лень — не тренировалась как следует, не смогла защитить самого близкого. И больше всего злилась на свою трусость — на бегство от боли и ответственности.

<http://bllate.org/book/16264/1464194>